

М.В. Нисова, Н.В. Жилиякова

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ГАЗЕТНЫХ АВАНТЮРНЫХ РОМАНОВ НЕ-КРЕСТОВСКОГО*

Аннотация. В статье анализируются особенности авантюрных романов известного томского писателя начала XX в. В.В. Курицына, публиковавшего свои произведения под псевдонимом «Не-Крестовский». Рассматриваются этапы творческого пути беллетриста, место авантюрных романов в его творчестве, отношение к его произведениям современников. «Документальность» авантюрных романов анализируется на уровне разворачивания романного сюжета в узнаваемых городских пространствах, на фоне реально существовавших заведений, мест, улиц; в контексте знаний об уголовном мире дореволюционного Томска, которые В.В. Курицын черпал из собственных источников; во взаимосвязи с содержанием газеты «Сибирские отголоски», на страницах которой печатались романы. Делается вывод о том, что именно «документальность» авантюрных романов В.В. Курицына стала «ключом» к их непреходящему читательскому успеху.

Ключевые слова: авантюрный роман, Томск, журналистика, В.В. Курицын, документальная основа, массовая литература.

Авантюрный роман как популярный жанр массовой литературы имеет долгую историю изучения в мировом и российском литературоведении. Массовую литературу как историко-культурную проблему исследовал Ю.М. Лотман [1], о феномене этого явления писала М.А. Черняк [2]; в словарях и энциклопедиях массовой литературе, авантюрному роману, приключенческой литературе посвящены отдельные статьи [3–5]. В ряде статей рассматриваются истоки зарубежного авантюрного романа [6], авантюрный роман изучается в контексте развития русского символизма [7]; поднимаются и другие исследовательские проблемы. Но, несмотря на это, до сих пор дискутируется вопрос о том, насколько жанр аван-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70006 а (р) «Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах».

тюрного романа достоин изучения, ведь «массовая литература, по мнению большинства ученых, представляет собой категорию литературных произведений, относимых к маргинальной сфере общепризнанной литературы. Часто ее еще называют тривиальной, развлекательной, эскапистской, рыночной, “дешевой” [8]. И если произведения крупных зарубежных или российских столичных авторов (такие как, например, «Петербургские трущобы» В. Крестовского) еще имеют шанс попасть в круг научной рефлексии, то провинциальные авантюрные романы традиционно остаются на периферии исследовательского внимания. Именно поэтому творчество известного томского дореволюционного автора целой серии авантюрных романов В.В. Курицына (писал под псевдонимом Не-Крестовский) только в последние годы становится предметом научных исследований [9–11].

До своего выступления в качестве романиста В.В. Курицын был известен сибирским читателям как автор очерков в журнале «Сибирский наблюдатель» [см. подробнее: [12]] и как поэт-сатирик, участвовавший в целом ряде томских сатирических журналов начала XX в. (под псевдонимом «Дон Валентино»). Но наибольшую – хотя и самую скандальную – славу он приобрел как создатель серии авантюрных романов, опубликованных на страницах газеты «Сибирские отголоски»: «Томские трущобы» («уголовный роман-хроника») (1907–1908), «Человек в маске» («уголовный роман из местной жизни») (1908–1910), «В погоне за миллионами» («уголовный роман из современной жизни») (1910) (не окончен).

Все эти произведения объединены общими героями и сквозным сюжетом, который разворачивается вокруг таинственного «Человека в маске», и по сути они являются одним авантюрным романом «Томские трущобы».

В 1909–1910 гг. в Томске выходил его же роман «Тайны томских ночей» («уголовный роман из местной жизни»), но он публиковался не в газете, а издавался отдельными брошюрками. Сохранившиеся оригиналы изданных трех выпусков находятся в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург). Кроме этого, в 1910 г. в газете «Сибирские отголоски» печатался еще

один роман В.В. Курицына «В зареве пожара» – по характеристике местного цензора, «роман из местной жизни с революционным пошибом» [13].

Современники высоко ценили поэтический талант Курицына, считая, что у него была «нежная, элегически-грустная и проникновенно-вдумчивая» муза, – так писал о Курицыне известный томский писатель начала XX в. Георгий Гребенщиков [14]. Однако они же крайне отрицательно относились к его романному творчеству, считая их «желтой проповедью», «пинкертонщиной», пошлостью и т.д. (Г. Гребенщиков, Вс. Крутовский) (см.: [14, 15]). Парадокс заключается в том, что именно авантюрные романы Курицына оказались востребованы читателями как в начале XX в., так и в наше время. Этот феномен постоянно пробуждает исследовательский интерес в отношении вопроса: в чем секрет популярности романов?

По-видимому, одним из этих «секретов» можно считать «документальную основу»* практически всех произведений Курицына. Если в целом окинуть взглядом его литературное наследие, становится очевидно, что Курицын всегда описывал только те сферы жизни, которые были связаны с его биографией. Вот ее краткие вехи, известные на сегодняшний день.

По имеющимся сведениям, В.В. Курицын родился в городе Барнауле Томской губернии 28 июля 1879 г., в православной мещанской семье**. Он получил образование в Барнаульском горном училище, затем работал на частных золотых приисках, из-за проблем со здоровьем (он всю жизнь страдал от легочных заболеваний) переехал на постоянное жительство в Томск, где начал работать в управлении Сибирской железной дороги (с 1901 г.). О семейной жизни Курицына достоверной информации нет, «в

* Слово «документальный» употребляется нами в значении «отражающий подлинные факты, события и т.д.»: см.: [16].

** Даты рождения и смерти В.В. Курицына в «Советской сибирской энциклопедии» (1931) неверно указаны как 1878–1908 гг., что до сих пор приводит к ошибкам в публикациях об этом писателе.

свидетельстве о смерти отмечено, что прямых наследников он не имеет» [17].

Курицын прожил очень короткую жизнь, немногим более 30 лет. Он умер 18 января 1911 г. от чахотки, был похоронен на Вознесенском кладбище в Томске.

Таковы биографические данные о писателе. Знание о них позволяет сделать вывод о том, что события и впечатления жизни писателя отразились практически во всех произведениях Курицына, став их «документальной» основой. Так, первые «пробы пера» Курицына в «Сибирском наблюдателе» были основаны на опыте работы писателя на золотых приисках: «Катя. Рассказ из приисковой жизни» (Сибирский наблюдатель. 1904. № 7–8), «Богатые знаки. Рассказ из приисковой жизни» (Сибирский наблюдатель. 1905. № 10) и др. [12]. Этот же опыт был использован Курицыным в романе «Человек в маске» – поиск таинственного «Золотого ключа» является одной из сюжетных линий этого произведения, а место действия в пятой части романа перемещается из Томска в Мариинскую тайгу, непосредственно на прииски.

Служба Курицына на Сибирской железной дороге обогатила его знанием о жизни этого специфического, замкнутого «железнодорожного мира» и отразилась в романах «В зареве пожара» (в одной из его глав описываются «химическая обструкция» в здании управления Сибирской железной дороги) и «Тайны томских ночей» (действие первых сохранившихся глав романа происходит в поезде).

Обращает на себя внимание, что действия всех авантюрных романов Курицына происходят не в экзотических странах, не в пустынях, джунглях или на пиратских кораблях. Автор подчеркивал «правдивость» своих произведений, утверждал, что в его сюжетах использовались факты, известные томской публике. Так, в 1907 г. в заметке «От редакции» было следующим образом объявлено о продолжении первого романа Курицына:

«С настоящего номера начинается печатание второй части романа “Томские труппы” “На пути к виселицам”. Вторая часть романа посвящена описанию дальнейших походов и

трагической судьбы главных героев романа – Кочерова и Егорина. **Попутно с этим рисуется ряд картин из уголовной хроники Томска за последние годы**» (выделено нами. – Н.Ж., М.Н.) [18. 1907. № 76].

Роман «Человек в маске» рекламировался газетой как «уголовный роман **из местной жизни**» (выделено нами. – Н.Ж., М.Н.) [Там же. 1908. № 32]. В 1909 г. «Сибирские отголоски» сообщили читателю о планах опубликовать в течение года еще один роман Не-Крестовского, параллельно с уже выходящим «Человеком в маске». Газета писала:

«Кроме того, на страницах “Сибирских отголосков” будет помещено новое произведение того же автора – сенсационный уголовный роман из кафешантанного мира под заглавием “Обреченные Молоху” (канвой для этого романа послужили действительные события недавнего прошлого)» (выделено нами. – Н.Ж., М.Н.) [Там же. 1909. № 6].

Этот замысел не был реализован Не-Крестовским, но обращает на себя внимание общий принцип использования в сюжете романов фактов из действительной томской жизни.

Предшественники Не-Крестовского, работавшие в жанре газетного романа-фельетона, помещали своих героев в вымышленные миры, хотя и имеющие реальные прототипы. Так, сюжет романа К.М. Станюковича «Не столь отдаленные места», публиковавшегося в «Сибирской газете» в 1885–1888 гг., разворачивался в городе Жиганске, в котором проницательный читатель мог узнать Томск, а в действующих героях – томского губернатора, редакторов местных газет и т.д. (см.: [19]). Но Не-Крестовский пошел еще дальше. Его вымышленные герои жили и действовали в самом Томске, передвигались по знакомым улицам, участвовали в представлениях и т.д. В романе упоминались томский район «Болото», где снимали квартиру романские преступники, железнодорожная станция Межениновка, гостиница «Европа», Буфф-сад и другие узнаваемые томские места. Эта топографическая документальность стала мощным фактором популярности романа у томской аудитории. Так, например, описывая преследование золотопро-

мышленника Бесшумных двумя мошенниками, Курицын «вел» своего читателя по центральной томской улице – Почтамтской, воссоздавая атмосферу городской жизни дореволюционного Томска:

«Несмотря на сравнительно ранний час дня, на Почтамтской царило праздничное оживление... Мимо Козыря двигались веселые парочки гуляющих, проходили пошатываясь люди в сильно приподнятом праздничном настроении, прибежала маленькая бойкая гимназисточка с коньками в руке, с недетской кокетливостью прятавшая свое личико в белую муфточку; ровным размашистым шагом прошел бравый блюститель порядка с полудюжиной медалей на черном сукне шинели...» [18. 1908. № 111].

Бытовые сценки, «репортажные зарисовки», диалоги оживляли повествование, придавая особую достоверность романному сюжету:

«На углу Благовещенского переулка густая толпа гуляющих была задержана неожиданным эпизодом чисто масляничного характера. Человек пять или шесть каких-то парней, пьяных вдребезги, в кошевке, запряженной парой лошадей, на самом углу споткнулись с извозчиком-лихачем тоже в парной упряжке. В извозчичьих санках сидели две девицы, чересчур крикливые костюмы которых и напудренные лица свидетельствовали о принадлежности их к какому-нибудь кафешантанному хору.

– Стой, сто-ой! Куда прешь, лешева голова?! – ругался извозчик. Парни отвечали тоже ругательствами. Произошло замешательство» [Там же].

Описания событий, которые в романе происходили в заведениях, исчезнувших в XX веке, приобрели особую ценность для современного читателя. Борьба атлетов в томском цирке (прекратил свое существование в 1941 г. – см.: [20]), выступления артистов в Буфф-саду, проживание героев в гостинице «Европа» и т.д. давали и дают возможность погрузиться в контекст дореволюционной томской жизни. В качестве примера приведем характерную для Курицына зарисовку циркового представления:

«Около деревянного здания цирка стояла густая толпа. Был антракт дневного представления, и невзыскательная публика амфитеатра и галереи угощала себя сбитнем, орехами и даже

водочкой, предупредительно запасенной ловким парнем, торговавшим копченой рыбой.

...Около кассы был давка в полном смысле этого слова. Сегодня вечером имел быть последний “субботник” – блестящее галло-представление из лучших номеров циркового репертуара, как это обещалось на громадных афишах, расклеенных по городу, и кроме того, должна была состояться решительная борьба между двумя атлетами, любимцами публики» [18. 1908. № 111, 113].

«<...> Оркестр заиграл марш. Один за одним выходили на арену цирковые атлеты. Их было человек десять. Крепкие мускулистые тела, затянутые в трико, глубоко вдавленные в плечи головы с низкими лбами и тупыми взглядами, какая-то особенная походка – тяжелая и вместе с тем напряженная, точно стерегущая врага, – производили впечатление чего-то грубого, звериного... [Там же. № 114].

Поскольку действие романа «Человек в маске» происходило не только в Томске, но и в Барнауле, и в Новониколаевске, Курицын включал в произведение описание узнаваемых местными жителями достопримечательностей и этих городов.

Авантюрные романы Курицына были не случайно основаны на криминальных сюжетах. Изучая газетную хронику Томска конца XIX – начала XX в., нетрудно заметить, что новости о грабежах, убийствах, мошенничествах занимали большую часть информационной повестки дня. В романе изображались «обратная сторона» томских будней, теневая жизнь преступников, от которых постоянно страдали горожане.

Учитывая стремление Курицына к максимальной документальности, не может не возникать вопрос: откуда он черпал свои знания о криминальном мире Томска? Ведь диалоги в романе, описание преступлений выполнены беллетристом со знанием мельчайших деталей, с разъяснением специфических терминов, криминальных жаргонизмов. Приведем в качестве примера типичный разговор воров из романа «Человек в маске»:

«– Ишь, какой ты! – восхитился Филька. – Словно весь век “легавым” (сыщиком) был.

– Ну, это что! Дело знакомое. Я, брат, в Петербурге, когда еще по младости лет “с верхов шарманил” (кража из наружных карманов), так уж и тогда со всеми ихними штуками знаком был. Там, парень, в Питере-то не Томску чета. Что ни шаг, то “шмель” (полицейский агент, имеющий наблюдение специально за карманными ворщиками)» [18. 1908. № 109].

Не понаслышке были знакомы Курицыну и приемы карточных шулеров, которые он неоднократно описывал в романе:

«Загорский не довольствовался уже тем способом, который он применял в первые вечера, а прибежал и к “накладке”. Поясняем нашим читателям, что “накладкой” называется колода карт, специально подобранных и употребляемых банкометом, когда он хочет бить наверняка шесть или семь карт подряд. Карты для “накладки” складываются таким образом, что непосвященный в дело будет только удивляться необыкновенному счастью банкомета, а отнести это к шулерскому приему не догадается. “Накладок” различают две: “марьяжная” и “затяжная”. Первая употребляется редко и только разве среди пьяной или уже чересчур неопытной публики, так как ряд восьмерок или девяток – выигрывающих карт подряд, невольно обращает на себя внимание. Вторая же “затяжная” накладка – излюбленный прием наиболее искусных шулеров, составляется так, что восьмерки и девятки в ней совершенно отсутствуют, а в выигрыше банкомет остается благодаря хитроумной комбинации в расположении карт, данных своему партнеру. Например, первую карту себе банкомет берет шестерку, останавливается на ней, тогда как понтирующий, получив первой картой тройку, второй – семерку и, следовательно, обладая “жиром”, покупает третью карту пятерку и проигрывает.

Ниже мы еще вернемся к более детальному описанию подобных примеров» [Там же. № 89].

Конечно, эти глубокие познания в уголовной сфере Курицын черпал не из своего опыта приисковой жизни или работы в качестве служащего Сибирской железной дороги. Ответ кроется еще в одной биографической детали: близком знакомстве Курицына с

издателем «Сибирского наблюдателя» и «Сибирских отголосков» В.А. Долгоруковым.

Всеволод Алексеевич Долгоруков (1850–1912), представитель княжеского рода «тех самых Долгоруковых», попал в Томск не по своей воле. В молодости, получив образование в Морском кадетском корпусе, он был вовлечен в уголовные авантюры. В 1870 г. Долгоруков был осужден в Петербурге по делу за укрывательство мошенничества и лишен «особенных прав» – княжеского звания, а семь лет спустя уже в качестве ефремовского мещанина он вновь предстал перед Московским окружным судом в связи с громким расследованием «Дела о Клубе червонных валетов» (8 февраля – 5 марта 1877 г.). Преступная группировка из 48 человек обвинялась в «составлении преступного сообщества в целях похищения чужого имущества различными способами: посредством выманивания, подложного составления документов, введения в обман и проч., в принадлежности к этому сообществу, в мошенничестве, подлогах, присвоении и растрате чужого имущества, кражах, в грабеже, умышленном убийстве, в соучастии в этих преступлениях, в оскорблении должностного лица и в кошунстве» [21].

После суда Долгоруков был отправлен в Сибирь как уголовный ссыльный, и обратно в столицу он уже не вернулся. Всю оставшуюся жизнь бывший князь прожил в Томске, принимая активное участие в литературной жизни города. Первоначально Долгоруков сотрудничал с томской газетой «Сибирский вестник», с 1895 г. он начал заниматься собственной издательской деятельностью: выпускал ежегодник «Путеводитель по Сибири и Средне-Азиатским владениям России», с 1899 г. стал редактором-издателем «Дорожника по Сибири и Азиатской России», позже преобразованного в журнал «Сибирские отголоски» (в 1905 г.), затем в газету «Сибирские отголоски». В Томске он был известен и как поэт: стихотворения Долгорукова публиковались в томской прессе под псевдонимом «Всеволод Сибирский», были изданы два сборника его стихов [22, 23].

Имея юридическое образование, Долгоруков работал в качестве частного поверенного в Томском окружном суде и, конечно, мог

многое рассказать о героях томского «темного мира». Но кроме этого, в Томске Долгоруков женился на Марии Петровне Аршауловой – сестре известного томского полицмейстера Петра Петровича Аршаулова, который имел неофициальное прозвище «томский Шерлок Холмс» (о нем см.: [24]). Аршаулов успешно расследовал многие громкие дела в Томске – убийства, грабежи – и, конечно, хорошо был знаком с «уголовным дном» Томска. Можно уверенно предположить, что именно Долгоруков и его окружение стали не только «источником вдохновения» Курицына, но и его консультантами в описании томского уголовного мира. Вот, например, «Предупреждение» ко второй части романа «Человек в маске»:

*«Здесь, по мере последовательного развития романа, рисуется ряд мошеннических проделок, предпринятых рыцарями легкой наживы, и описывается громкое дело о подлоге миллионного заветания, составлявшее до настоящего времени **фамильную тайну одной семьи** из местного купечества»* (выделено нами. – Н.Ж., М.Н.) [18. 1908. № 121].

«Фамильную тайну» мог знать адвокат Долгоруков, но не мог знать чиновник Курицын.

Необходимо отметить, что поиск упоминаемых в романе криминальных фактов в газетной хронике Томска затруднен не столько объемом материала, который необходимо исследовать, сколько отсутствием «хронологических привязок» уголовных преступлений. С одной стороны, нет никаких указаний на то, что Курицын использовал события недавнего времени – он вполне мог опираться на криминальные «городские легенды», давние уголовные дела, о которых рассказывали ему Долгоруков или Аршаулов. С другой стороны, реальные томские преступления – как и описываемые преступления в авантурных романах Курицына – были достаточно однотипными: нападения, грабежи, убийства, карточное шулерство в подпольных «игорных домах» и т.д. Любое преступление в Томске могло стать основой для построения романного сюжета, тем более, что оно неизбежно трансформировалось в художественном пространстве романа.

Говоря о «документальности» романов Курицына, можно также отметить его строгое следование бытовым реалиям городской дореволюционной жизни в отношении, например, кулинарии. Беллетрист всегда подробно останавливался на заказах своих героев, которые они совершали в томских ресторанах (и в разных притонах): он перечислял напитки, которые было принято заказывать (коньяк, ром, грог, шампанское, пиво и т.д.), закуски, горячие блюда и т.д. В романе приводились примеры песен, звучащих в компаниях и на сценах, детально описывались женские и мужские костюмы. Эти мелкие детали, бытовые подробности до сих пор придают произведениям Курицына достоверность, и, несмотря на явные недостатки его романов – ходульность героев, однообразное времяпровождение (преступление – кутеж – неудачное преступление – кутеж – новое преступление) и др., – делают их одним из ценных источников сведений о жизни дореволюционного Томска.

Таким образом, ставка В.В. Курицына на «документальность» его авантюрных романов стала «ключом» к их непреходящему читательскому успеху. Разворачивание романного сюжета в узнаваемых городских пространствах, упоминание деталей дореволюционного быта томичей придали произведениям Не-Крестовского такое качество, как достоверность. В какой-то мере это облегчило писательский труд: В.В. Курицын мог не отвлекаться на придумывание несуществующих городов, домов, заведений, он буквально «срисовывал» их с натуры. Часть ситуаций, в которые попадали его герои, также были хорошо знакомы и автору, и читателям: это криминальные сюжеты, касающиеся грабежей, мошеннических проделок, деятельности разных «своден» и т.д. На этом вполне реалистичном романном «фоне» действия центрального злодея – «Человека в маске» – выглядели особенно необычно, поражали воображение неискушенных современников цинизмом, необъяснимым коварством и ловкостью ухода от закона.

Чтобы усилить «документальность» романа, В.В. Курицын обращался не только к своему собственному, не очень богатому, жизненному опыту, но, судя по всему, к «неиссякаемому источнику» сведений о криминальной томской жизни – к адвокату

В.А. Долгорукову и полицмейстеру П.П. Аршаулову. Это позволило ему ввести в роман малоизвестные подробности сыщицкой работы, разнообразить речь героев уголовным «сленгом» (с обязательной расшифровкой употребляемых терминов), описать разные «криминальные схемы», основанные на реальных томских преступлениях конца XIX – начала XX в.

Публикация авантюрных романов Не-Крестовского на страницах газеты «Сибирские отголоски» приводила к тому, что читатели начала XX в. воспринимали его в контексте всего периодического издания, романы были «вписаны» в общую проблематику русской провинциальной жизни. В статьях и фельетонах «Сибирских отголосков» поднимались вопросы сложной криминальной обстановки в Томске, осуждалась женская проституция; постоянной темой для размышлений журналистов было положение дел в золотопромышленности и т.д. Эти же проблемы присутствовали и в авантюрных романах, что придавало им дополнительный «документальный» характер.

Дальнейшее изучение структурных и содержательных особенностей романов Не-Крестовского, «рецепции» в них мировых и российских сюжетов авантюрной литературы являются одной из вероятных перспектив исследований, посвященных этим малоизученным произведениям дореволюционного Томска. В рамках изучения словесности Сибири они имеют особое значение, поскольку позволяют выявить специфику формирования местной региональной литературы и ее взаимосвязь с общемировым и общероссийским литературным процессом.

Литература

1. Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб. : Искусство-СПБ, 1997. С. 380–388.
2. Черняк М.А. Феномен массовой литературы XX века: проблемы генезиса и поэтики : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 488 с.
3. Тамарченко Н.Д. Авантюрная литература // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Издательство Кулагиной INTRADA, 2008. С. 8–9.
4. Благой Д. Авантюрный роман // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина,

В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. Стб. 3–10.

5. Наркевич А.Ю. Приключенческая литература // Краткая литературная энциклопедия / под ред. А.А. Суркова. М. : Сов. энциклопедия, 1968. Т. 5. С. 973–974.

6. Ладыгин М.Б. Английский авантюрный роман середины XIX века // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. М., 1985. С. 19–38.

7. Богомолов Н. Авантюрный роман как зеркало русского символизма // Вопросы литературы. М., 2002. Вып. 6. С. 43–57.

8. Шумко В.В. Формирование «массовой» русской литературы во второй половине XIX века // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2011. Т. 11. С. 201–212.

9. Матвеев И.А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х годов : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. 323 с.

10. Жиликова Н.В. Зарождение, развитие и специфика жанра романа в томской периодике (конец XIX – начало XX в.) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 63–71.

11. Жиликова Н.В., Нисова М.В. Переиздание культурного томского романа «Томские трущобы» Не-Крестовского: возможности печатной и цифровой версий // Книга. Текст. Книгоиздание. 2017. № 14. С. 64–76.

12. Нисова М.В. Первые очерки В.В. Курицына в «Сибирском наблюдателе»: особенности сюжета и организации текста // Журналистский ежегодник. 2016. № 5. С. 98–100.

13. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181–182.

14. Курицын (Не-Крестовский) Валентин Владимирович // Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 / сост. и ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 128–129.

15. Крутовский В. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 303.

16. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <http://www.slovoblog.ru/efremova/dokumentalnyj>

17. Зильберман Ю.Я. Памяти поэта и писателя В.В. Курицына (Не-Крестовского) // Валентин Владимирович Курицын (Не-Крестовский) : сб. материалов / ТОУНБ им. А.С. Пушкина ; сост. А.В. Яковенко ; ред.: С.С. Быкова, Л.В. Чередникова. Томск, 2017. С. 6–13.

18. Сибирские отголоски.

19. Жиликова Н.В. Рождение романа: путешествие из Сибири в Петербург (К.М. Станюкович «Не столь отдаленные места») // Сибирский текст в русской культуре. Томск : Сибирика, 2003. С. 44–53.

20. Мацковская А. Исчезнувшие. 10 самых интересных общественных мест в Томске, не доживших до наших дней // Томский обзор. URL: <https://obzor.west-sib.ru/article/387939>

21. Жилиякова Н.В. Издательская деятельность В.А. Долгорукова // Всеволод Алесеевич Долгоруков : сб. материалов / сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко, ред. С.С. Быкова. Томск : ТООУНБ им. Пушкина, 2013. С. 8–24.

22. Сибирский В. Не от скуки. Томск, 1890. 356 с.

23. Сибирский В. Стихотворения. Томск, 1912. 521 с.

24. Петр Петрович Аршаулов: сборник материалов / сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко ; ред. С.С. Быкова. Томск, 2012. 204 с.

THE DOCUMENTARY BASIS OF NE-KRESTOVSKY'S NEWSPAPER ADVENTURE NOVELS

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 19–34

DOI: 10.17223/23062061/16/2

Mariya V. Nisova, Nataliya V. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: newspaper_2401@mail.ru, retama@ya.ru

Keywords: adventure novel, Tomsk, journalism, V.V. Kuritsyn, documentary basis, mass literature.

In the article features of adventurous novels of the well-known Tomsk writer of the beginning of the 20th century Kuritsyn, who published his works under the pseudonym “Ne-Krestovsky”, are analysed. The author considers the stages of the writer’s creative career, the place of adventure novels in his work, his attitude to the works of his contemporaries. The “documentality” of the adventurous novels is analysed in several aspects. Firstly, the level of the unfolding of a novel plot in recognisable urban spaces, against the background of real institutions, places and streets is considered. The writer not only relied on his own life experience gained during his service in the gold mines, work on the Siberian Railway, but he also stressed that he used facts Tomsk people knew in the novels. This made his works reliable and accurate, although it is not possible to find the criminal facts mentioned in the novel in the newspaper chronicle of Tomsk: not so much because of the amount of material to be investigated, but because of the lack of “chronological fixation” of criminal offences. There is no indication that Kuritsyn used the events of recent times – he could quite rely on criminal “urban legends”, long-standing criminal cases. On the other hand, real Tomsk crimes – like the crimes described in Kuritsyn’s adventurous novels – were quite similar: attacks, robberies, murders, card cheating in underground “gambling houses”, etc. Any crime in Tomsk could become the basis for constructing a novel plot, especially since it inevitably transformed in the artistic space of the novel.

Secondly, Kuritsyn drew knowledge about the criminal world of the pre-revolutionary Tomsk from his own sources, thanks to friendly relations with his publisher, lawyer V.A. Dolgorukov, and his relative P.P. Arshaulov. This was reflected in the detailed descriptions of the “criminal schemes” of the crimes described, in the knowledge (and explanation for the readers) of the specific terms, the criminal jargon the characters of the novels used.

The publication of Ne-Krestovsky's adventure novels in the newspaper *Sibirskie otgoloski* [Siberian Echoes] led to the fact that readers of the beginning of the 20th century perceived them in the context of the entire periodical; the novels were "inscribed" in the general problems of Russian provincial life. The articles and satirical articles of *Sibirskie otgoloski* raised issues of the complex criminal situation in Tomsk; female prostitution was condemned; a constant theme for journalists' reflection was the state of affairs in the gold industry, etc. The same problems were also present in the adventurous novels, which gave them an additional "documentary" character.

It is concluded that it is the "documentality" of the adventurous novels of Kuritsyn that became the "key" to their enduring reader success.

References

1. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian literature]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 380–388.
2. Chernyak, M.A. (2005) *Fenomen massovoy literatury XX veka: problemy genezisa i poetiki* [The phenomenon of mass literature of the 20th century: Problems of genesis and poetics]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
3. Tamarchenko, N.D. (2008) *Avantyrnaya literatura* [Adventure literature]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a dictionary of current terms and concepts]. Moscow: INTRADA. pp. 8–9.
4. Blagoy, D. (1925) *Avantyrnyy roman* [Adventure literature]. In: Brodsky, N.A. Lavretsky, Lunin, E., Lvov-Rogachevsky, V., Rozanov, M. & Cheshikhin-Vetrinsky, V. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov* [Literaturnaya encyclopedia: Dictionary of literary terms]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: L.D. Frenkel. Col. 3–10.
5. Narkevich, A.Yu. (1968) *Prikllyuchencheskaya literatura* [Adventure literature]. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [A Short Literary Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 973–974.
6. Ladygin, M.B. (1985) *Angliyskiy avantyrnyy roman serediny XIX veka* [English adventure novel of the middle of the 19th century]. In: Khrapovitskaya, N. (ed.) *Problemy metoda i zhanra v zarubezhnoy literature* [Problems of method and genre in foreign literature]. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 19–38.
7. Bogomolov, N. (2002) *Avantyrnyy roman kak zerkalo russkogo simbolizma* [Adventure novel as a mirror of Russian symbolism]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 43–57.
8. Shumko, V.V. (2011) *Formirovaniye "massovoy" russkoy literatury vo vtoroy polovine XIX veka* [Formation of "mass" Russian literature in the second half of the nineteenth century]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova*. 11. pp. 201–212.
9. Matveenkov, I.A. (2014) *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830-1900-kh godov* [Perception of the English social and criminal novel in Russian literature of the 1830s-1900s]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
10. Zhilyakova, N.V. (2016) *Origin, development and specificity of the genre of the novel in Tomsk periodicals (late 19th – early 20th century)*. *Sibirskiy filologicheskiy*

zhurnal – Siberian Philological Journal. 1. pp. 63–71. (In Russian). DOI: 10.17223/181370

11. Zhilyakova, N.V. & Nisova, M.V. (2017) The reissue of the cult Tomsk novel The Tomsk Slums by Non-Krestovskiy: opportunities of print and digital versions. *Kniga. Tekst. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 14. pp. 64–76. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/14/4

12. Nisova, M.V. (2016) The first essays by V.V. Kuritsyn in the “Sibirskiy Nablyudatel’”: the features of the plot and the organization of the text. *Zhurnalistitskiy ezhegodnik – Journalistic Yearbook*. 5. pp. 98–100.

13. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 12. File 735. pp. 181–182.

14. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2001) *Tomskiy nekropol’: spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomskikh kladbishchakh. 1827–1939* [Tomsk Necropolis: Lists and obituaries of those buried in the old Tomsk cemeteries. 1827–1939]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 128–129.

15. Krutovskiy, V. (1912) Periodicheskaya pechat’ v Tomske [Periodic Press in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske. pp. 303.

16. Efremova, T.F. (n.d.) *Sovremennyy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [The modern explanatory dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <http://www.slovoblog.ru/efremova/dokumentalnyj/>.

17. Zilberman, Yu.Ya. (2017) Pamyati poeta i pisatelya V.V. Kuritsyna (Ne-Krestovskogo) [In memory of the poet and writer V.V. Kuritsyn (Ne-Krestovskiy)]. In: Bykova, S.S. & Cherednikova, L.V. (eds) *Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Ne-Krestovskiy)* [Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Non-Krestovskiy)]. Tomsk: Krasnoe znanya. pp. 6–13.

18. *Sibirskie otgoloski*.

19. Zhilyakova, N.V. (2003) Rozhdenie romana: puteshestvie iz Sibiri v Peterburg (K.M. Stanyukovich “Ne stol’ otdalennyye mesta”) [The birth of the novel: a journey from Siberia to Petersburg (K.M. Stanyukovich “In Durance Vile”)]. In: *Sibirskiy tekst v russkoy kul’ture* [Siberian Text in Russian Culture]. Tomsk: Sibirika. pp. 44–53.

20. Matskovskaya, A. (n.d.) *Ischeznuvshie. 10 samykh interesnykh obshchestvennykh mest v Tomske, ne dozhivshikh do nashikh dney* [The Disappeared. 10 most interesting public places in Tomsk that did not survive to our days]. [Online] Available from: <https://obzor.westsib.ru/article/387939>.

21. Zhilyakova, N.V. (2013) Izdatel’skaya deyatel’nost’ V.A. Dolgorukova [V.A. Dolgorukov’s publishing activity]. In: Bykova, S.S. (ed.) *Vsevolod Aleseevich Dolgorukov* [Vsevolod Aleseevich Dolgorukov]. Tomsk: TOUNB im. Pushkina. pp. 8–24.

22. Sibirskiy, V. (1890) *Ne ot skuki* [Not from boredom]. Tomsk[s.n.].

23. Sibirskiy, V. (1912) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Tomsk: [s.n.].

24. Bykova, S.S. (ed.) (2012) *Petr Petrovich Arshaulov* [Petr Petrovich Arshaulov]. Tomsk: Veter.